

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-88-97

КОНЦЕПЦИЯ РЕСЕНТИМЕНТА В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ И ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Васюков Р. В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: rostislawwww@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2025

После доработки 21.04.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть современное социально-философское значение концепции ресентимента Фридриха Ницше и выявить причины и последствия её редукционистского прочтения.

Процедура и методы. Методологическая основа работы включает герменевтический анализ основных текстов Ницше, дополненный междисциплинарным подходом, объединяющим философский, социальный и психологический дискурсы и критическим анализом концепции ресентимента.

Результат. Установлено, что вульгарное толкование основных понятий философии Ницше связано с игнорированием их экзистенциально-творческого и духовного содержания, что ведёт к искажению всей ницшеанской философии и формирует почву для её использования в милитаристских и экстремистских целях. Предложена авторская интерпретация ресентимента через концепт «воли к свободе», подчёркивающий диалогичность человеческого бытия и этическую ответственность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенная интерпретация ресентимента позволяет преодолеть бинарную социально-онтологическую оппозицию «сила – слабость» за счёт интеграции идей современной социальной философии и психологии. Исследование в целом позволяет расширить возможности применения ницшеанской мысли в современных антропологических и этических исследованиях. Практическая ценность работы заключается в противодействии манипуляциям и экстремистским интерпретациям философской концепции Ницше.

Ключевые слова: воля к власти, диалог, ответственность, ресентимент, свобода, социальная стратификация, социальная философия, социальное неравенство, экзистенциальный выбор, экстремизм

Для цитирования:

Васюков Р. В. Концепция ресентимента в философии Ницше: социально-философские поиски и экстремистские интерпретации // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 88–97. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97>.

Original research article

RESSENTIMENT IN NIETZSCHE'S PHILOSOPHY: SOCIO-PHILOSOPHICAL INQUIRIES AND EXTREMIST INTERPRETATIONS

R. Vasyukov

Russian State Social University Moscow, Russian Federation

e-mail: rostislawwww@mail.ru

Received by the editorial office 31.03.2025

Revised by the author 21.04.2025

Accepted for publication 12.05.2025

Abstract

Aim. To reveal the contemporary social philosophical significance of Friedrich Nietzsche's concept of resentment and to identify the causes and consequences of its reductionist reading.

Methodology. Hermeneutic analysis of Nietzsche's key texts, complemented by an interdisciplinary approach integrating philosophical, social, and psychological discourses, as well as a critical analysis of the concept of resentment, was complemented.

Results. It is established that the vulgarization of Nietzsche's core philosophical concepts, stemming from the disregard of their existential creative and spiritual content, distorts his philosophy and creates grounds for its exploitation in militarist and extremist agendas. An original interpretation of resentment is proposed through the concept of the "will to freedom," emphasizing the dialogical nature of human existence and ethical responsibility.

Research implications. The proposed interpretation of resentment enables the overcoming of the binary social ontological opposition "strength – weakness" through the integration of ideas from modern social philosophy and psychology. The study expands the potential applications of Nietzschean through contemporary anthropological and ethical research. The practical value lies in countering manipulative and extremist interpretations of Nietzsche's philosophical concepts.

Keywords: will-to-power, dialogue, responsibility, resentment, freedom, social stratification, social philosophy, social inequality, existential choice, extremism

For citation:

Vasyukov, R. V. (2025). Resentiment In Nietzsche's Philosophy: Socio-Philosophical Inquiries and Extremist Interpretations. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 88–97. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97>.

Введение

Философское наследие Фридриха Ницше продолжает формировать интеллектуальные и культурные ландшафты современности, сохраняя статус одного из самых влиятельных и противоречивых в истории философской мысли. Идеи Ницше остаются актуальными не только как объект академических исследований, но и как источник смыслов, способных вплоть до сего дня вдохновлять как на великие творческие порывы, так и на социально опасные действия. Эта двойственность проистекает из самой приро-

ды ницшеанской философии, бросившей вызов фундаментальным основам традиционного мировоззрения. Философский «молот» Ницше обрушился на догматические системы XIX в. – религиозные, научные и философские, – потребовав вместе с этим радикального пересмотра самих их оснований.

Важнейшим в этом глобальном плане философского демонтажа стал отказ от традиционных моральных парадигм. Ницше утверждал, что моральные нормы, претендующие на универсальность, на деле представляют собой продукт социаль-

ных отношений. Мораль, по его мнению, является производным социальным конструктом, который рождается из «стадного инстинкта». Для убедительности и эффективности своего действия этот инстинкт скрывает себя под масками «вечных» религиозных истин, формирует вокруг себя ложные ореолы, вводящие в заблуждение. Ключом к пониманию этого процесса выступает введённый философом термин – ресентимент. Этот термин отражает сложный психосоциальный феномен, при котором подавленная воля к власти (главная онтологическая категория у Ницше) трансформируется в скрытую ненависть к сильному и творческому началу.

Особую актуальность концепция ресентимента имеет сегодня по двум основным причинам. Во-первых, она раскрывает механизмы формирования коллективного и индивидуального сознания, превращение слабости в мнимую добродетель, зависти – в моральное превосходство, что продолжает иметь место в социальных, политических, культурных и повседневных практиках [1]. Во-вторых, эта идея наделяет учение Ницше элементом особой провокативности, которая также обусловлена и особой, для многих притягательной, афористичной, намеренно эпатажной формой изложения.

Стилистика и содержание идей Ницше создают риск того, что неподготовленная читательская аудитория, воспринимая эти идеи вне контекста всей философии Ницше, может интерпретировать их как призыв к тотальному разрушению, что нередко становится почвой для экстремистских настроений [2].

Методологическая основа

Методология исследования сочетает философскую рефлексию с междисциплинарным подходом, что позволяет не только реконструировать идеи Ницше, но и раскрыть их актуальность в контексте современности. Такой синтез даёт возможность проследить, как ресентимент – изначально абстрактное и, казалось

бы, произвольное понятие в философии Ницше – трансформируется в востребованный концепт, активно развивающийся в рамках современных социально-гуманитарных исследований. В основе работы лежит герменевтический подход, включающий интерпретацию текстов «К генеalogии морали», «По ту сторону добра и зла», «Так говорил Заратустра» в контексте полемики Ницше с идеями христианской морали и рационализма, структурно-семантический анализ терминологической системы Ницше, историко-философскую реконструкцию идей Ницше в интеллектуальном контексте XIX–XX вв.

Кроме того, методологическая основа исследования включает элементы критического анализа, позволяющего выявить риски вульгаризации, упрощённых и экстремистских рецепций философии Ницше, актуальных в современную эпоху.

Концепция ресентимента в контексте моральной философии Ницше

Понятие *ресентимент* (фр. «озлобленность», «затаённая обида») не имеет точного аналога в русском языке, объединяя значения мстительности, злопамятности и подавленной агрессии. В философии Ницше ресентимент лежит в основе «рабской морали» – мировоззренческой установки, в общем и целом противоположной тем установкам, которые свойственны сильному, господскому типу личности [3, с. 253]. Ресентимент возникает как реакция слабого на силу. Вместо реализации «воли к власти» индивид подавляет жизненную энергию, отрицает её, превращаясь в декадента, умертвляющего жизнь в себе и инфигирующего аналогичными установками других через ценности.

Этот феномен проявляется в двух формах. **Социальная форма** – коллективная месть «слабых» носителям подлинных ценностей через создание искусственных ценностных регуляторов – религиозных догм, законов, моральных императивов. Объединяясь, «стадо» низвергает сильных, подменяя естественную иерархию навя-

занными, искусственными нормами, подавляющими силу. **Индивидуальная форма** – это аскетизм, самоограничение, при которых естественная природная агрессия направляется внутрь, порождая лицемерное отрицание жизни.

Показателем силы личности для Ницше становится её способность к открытому, искреннему следованию воли к власти. Различные формы альтруизма, взаимопомощи или жертвенности рассматриваются философом как симптомы вырождения – способы маскировки собственной слабости под личиной показной добродетели.

Ницшеанский анализ обнажает экзистенциальную несостоятельность этого явления, за кажущейся строгостью аскетического идеала скрывается показная театральность самоотречения. Ницше раскрывает природу аскезы либо как агрессивного навязывания ценностей, принципиально враждебных жизни (вспомним христианские императивы с их отрицающим импульсом – «не убий», «не возжелай»), либо как изощрённой формы самоуничтожения. В последнем случае изначально созидательная воля к власти, составляющая ядро человеческой природы, извращается до своей противоположности – жизненная энергия, подавляемая под маской духовного очищения, превращается в инструмент саморазрушения.

Ключевой тезис Ницше строится на отрицании идеи равенства. Философ убеждён, люди изначально не равны по своей природной силе, следовательно, всякое искусственное уравнивание – будь то в этике, политике или социальных отношениях – есть ложь, порождённая resentimentом. Только признание этой иерархии позволяет избежать культурного вырождения.

Экстремистский потенциал ницшеанства проявляется в ультимативной дилемме, которую оно бросает читателю как своеобразный жизненный вызов. На одной чаше весов – декадент, добровольно заковавший себя в цепи иллюзорной морали из страха перед собственной немощью. На другой – сверхчеловек [4, с. 31–32], чья неудержимая воля к власти разрывает ус-

ловности, превращая моральные табу в прах, сметая на своём пути любые препятствия. Эта антиномия созвучна раскольниковскому противостоянию «твари дрожащей» и «право имеющего»¹, но если у Достоевского решение обретается через покаяние, то Ницше доводит данный конфликт до экзистенциального предела. Его провокативная риторика оказывается не просто интеллектуальным экспериментом, но экзистенциальным триггером, призванным запустить разрушение привычной, устоявшейся эмоциональной и мировоззренческой рутины, заставить человека сделать решительный экзистенциальный выбор, исключаящий какие-либо компромиссы.

Именно здесь кроется опасность вульгарной интерпретации. Адепты насилия и милитаристской риторики зачастую цинично эксплуатируют образ «сверхчеловека», намеренно отрывая его от философского контекста. В упрощённом прочтении ницшеанский идеал редуцируется до оправдания физической агрессии, тогда как у самого философа речь идёт, прежде всего, о напряжённой духовной борьбе. Разрушительный дух нигилизма, заложенный в критике традиционной морали, подменяется примитивным культом грубой силы. Внимание переносится с самоопределения на насилие. Неподготовленное сознание, не различающее уровней экзистенциального и социального, легко превращает сложную систему взглядов в программу разрушения – будь то политический радикализм или эстетический бунт. Акцент с преодоления собственной ограниченности смещается в сторону уничтожения внешних ограничений.

В философской системе Ницше индивидуальное величие и мощь становятся центральной осью, вокруг которой вращается смысл существования. Всё, что находится вне этого фокуса, обречено на слабость и поражение. Само пребывание за пределами «оси силы» философ трактует как экзистенциальный вызов, и если сверх-

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1970. С. 213.

человек принимает его, бросая вызов собственным границам, то декадент бежит от этой борьбы, отрицая сам принцип самоутверждения. Источником ressentimentности, по Ницше, становится мучительное осознание дистанции между собой и идеалом величия. Это чувство усугубляется осознанием различия с теми, кто движется к цели, – отсюда рождается соответствующее внутреннее состояние, разрешающее через ressentiment – отрицание чужого успеха, трактуемого ressentimentной личностью как иллюзорного или безнравственного.

Примечательно, что ницшеанская апология силы, действительно, не скрывает своей антидемократической сущности, восхождение к величию предполагает тотальное подчинение слабого. Философ конструирует модель социума, радикально разделённого на два полюса – аристократию духа, реализующую волю к власти через творческое доминирование, и подчинённую массу, чья роль сводится к обслуживанию элиты. Последняя, в целом, согласно Ницше, должна полностью принимать своё положение, не генерировать ressentimentа, а выступать необходимым условием стабильности природной иерархии. Эта безжалостная стратификация, по Ницше, не просто социальная модель, но и органичный закон мироустройства – сила узаконивает себя не через моральные сентенции, а через акт самоутверждения в бытии.

Проблема актуализации концепции ressentimentа

Концепция ressentimentа, введённая Ницше как инструмент критики морали, оказалась исключительно плодотворной для междисциплинарных исследований. Немецкий психиатр Эрнст Кречмер адаптировал это понятие для психологии. *«Под ressentimentом мы подразумеваем комплексную установку чувств людей, действительно или мнимо обойдённых в жизни; порождённые завистью и нуждой жизненные воззрения; перспективу жизни снизу; сверлящее, постоянно возобновляю-*

щееся чувство скрытого внутреннего возмущения; типичную установку слабого против сильного, бедного по отношению к богатству, безобразного по отношению к красоте, больного, вырождающегося и увядающего по отношению к здоровью и молодости; и вместе с тем здесь отмечается тенденция к кататимной переоценке, придающей слабому и бедному этически более высокую ценность» [5, с. 294].

Кречмер интерпретирует ressentiment как источник сверхкомпенсации – механизма, при котором гипертрофированное демонстрирование определённых поведенческих свойств маскирует внутреннюю уязвимость. Например, показная агрессия часто скрывает глубинный страх, а напускная уверенность – сомнения в собственной значимости.

Кроме того, немецкий психиатр отметил особое значение борьбы за власть в становлении характера человека. В целом, Кречмер оценивал ressentiment и как возбудитель, и как симптом психопатологий [5, с. 295–299]. Благодаря интерпретациям Кречмера ницшеанские понятия перешагнули границы философии, войдя в инструментарий психотерапии и закрепившись в анализах социального поведения.

Новый этап осмысления ressentimentа был связан также с работой Макса Шелера «Ресентимент в структуре моралей». Автор, сохраняя ницшеанскую традицию критики морали, расширяет её социально-философским и психологическим анализом. В отличие от Ницше, Шелер не акцентирует внимание на христианстве и в качестве основного источника ressentimentа рассматривает социально-психологические причины.

Особую остроту проблеме, по Шелеру, придаёт противоречие современных обществ, провозглашающих эгалитаризм и вместе с этим воспроизводящих иерархию и неравенство:

«Максимально сильный заряд ressentimentа должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие

соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т. е. в таком обществе, где каждый имеет “право” сравнивать себя с каждым и не может сравниться реально» [6, с. 21].

Несмотря на плодотворные интерпретации resentment в социальной психологии и политической теории, его философская концептуализация остаётся незавершённой. У Ницше resentment возникает не только как критика религиозного лицемерия, но и как экзистенциальный протест против гуманистических иллюзий. Человек в его трактовке – существо, обречённое на самоотчуждение, и resentment становится признаком экзистенциальной капитуляции – неспособности принять мир в его суровости и утвердить себя в нём через волю к власти.

Шелер, развивая эту категорию, в большей степени переводит дискурс в социальнофилософскую область, дополняет психологический аспект феномена социальным измерением – конкурентной природой современных обществ.

И здесь возникает сложность, поскольку если признать resentment антропологической константой, то логично попытаться институционализировать его, превратив в катализатор социальной динамики. Недовольство, лишённое выражения, и скрытая зависть могли бы стать ресурсом для создания различных форм конструктивной компенсации в труде, творчестве и т. п. Вместе с этим, встраивая resentment в структуру социального взаимодействия, общество рискует скорее не преодолеть его, а еще более гипертрофировать, превратив в устойчивый элемент культурного кода.

Сегодня часто можно услышать, что resentment (чувство зависти, злобы, скрытой мести) – это неотъемлемая часть человеческой природы: люди всегда будут завидовать и мстить, и с этим ничего не поделать. Такие рассуждения становятся удобным оправданием. Общество как бы признаёт вред resentment, но на деле

смирняется с ним, считая его нормой. Но так ли это на самом деле? И можно ли преодолеть это разрушительное чувство?

Шелер связывал resentment не с «плохой» природой человека, а во многом с социальным неравенством. По его мнению, это чувство возникает у тех, кто проиграл в социальной борьбе и оказался в проигрышном положении. У проигравшего возникает два пути: смириться – отказаться от амбиций и принять свою роль, или мстить – попытаться низвергнуть победителя, подменив природную силу и энергию хитростью или моральным превосходством (например, объявить слабость «добродетелью»).

Ницше полагал, что свобода возможна не только через власть. Если человек не господствует, он становится чьей-то собственностью. Гегелевская диалектика «раба и господина» [7, с. 101–104] разрешается им в духе идеи о том, что раб мечтает не о свободе, а о том, чтобы самому стать господином. Однако философ как будто намеренно не отвечает на важный вопрос – может ли подчинение власти быть добровольным? Например, когда люди подчиняются не из страха, а из уважения к знаниям или опыту лидера.

Власть не всегда тотальна. Она может иметь локальные рамки ситуации или компетенции. Кроме того, власть может быть служением, и обладание властью само по себе способно становиться определённым видом «рабства».

Примечательно, что ещё в Античности Сократ в споре с Фразимахом оспаривал сведение власти к грубой силе или собственной наживе. На утверждение софиста Фразимаха о том, что правитель, подобно пастуху, заботится не об овцах, а о будущем пире, он возразил метафорой ответственной власти. Подлинный пастух подчиняет свои интересы благополучию стада. *«...всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем – в общественном и в частном порядке. И неужели ты думаешь, будто те, кто правит государствами, – подлинные правители – правят по доброй воле?»* [8, с. 54]. Здесь власть

оказывается формой служения, в котором формальное доминирование скрывает фундаментальную зависимость – правитель обречён заботиться о подвластных, иначе утрачивает саму суть своей роли.

В философии Ницше властвующий субъект выступает творцом ценностей, утверждая их через акты оценивания. Основой такого процесса служат чистая субъективность и воля к власти. Если сама ценность рождается из этой воли, то её цель – безграничное распространение господства. Таким образом, нарастающее господство диктует всё более радикальные ценности. Возникает своего рода порочный круг, в психологическом плане выражающийся танталовыми муками властвующего. Усвоение ценности власти как цели порождает дальнейшую ненасытную жажду власти, ценность которой непрерывно возрастает и которая в то же время, оставаясь в полной мере не удовлетворённой, обрекает властвующего на бесконечное стремление к её расширению.

Сегодня, как и во времена Ницше или Шелера, resentment продолжает своё существование, социально-экономические расслоение, стратификация не исчезают, напротив, появляется всё больше триггеров, параметров успеха, которые могут запустить реакцию resentment [9] даже у тех, кто, как кажется, уже получил всё [10]. Если Ницше в качестве единственного конструктивного варианта предлагал ещё большее усиление и раскрытие индивидуальных **властных амбиций**, то более продуктивной альтернативой преодоления resentment-тарной динамики, с учётом современных философских и психологических исследований, видится не воля к власти, а **воля к свободе** [11], раскрываемая в контексте диалога и признания ценности Другого.

Анализ структуры resentment выявляет два основных его элемента:

1) **деструктивный** – стремление к ответному порабощению, питающее психические и социальные кризисы личности;

2) **созидательный** – естественное желание освобождения, выход из-под насильственной власти.

Исторический опыт тоталитарных режимов XX в. демонстрирует тупик ницшеанской логики [12]. Культ силы, который должен воплощать индивидуалистический идеал свободы, оказывается вынужден в итоге подавлять всякую индивидуальность и свободу, в том числе и у самого властвующего, что порождает массовый resentment, который, в свою очередь, вновь воспроизводит насилие. В таких системах одновременно угнетённые и инфицированные ценностями власти вновь подменяют свободу местью, замыкая порочный круг разрушения.

Преодоление этого круга насилия требует переосмысления самих основ социального взаимодействия. Альтернативу дихотомии «господин – раб» предлагают диалогическая модель [13] и философия персонализма [14, с. 477–486]. Если для Ницше субъект конституирует себя через монологическую «волю к власти», то здесь акцент смещается на со-бытие – пространство, где уникальность личности не подавляется, а раскрывается через признание ценности Другого. Персоналисты отвергают иерархию принуждения, заменяя её этикой солидарности, в которой сила рождается не из доминирования, а из взаимного признания.

Однако подлинный разрыв с логикой resentment требует ещё одного шага – обращения к христианской идее прощения, которую Ницше, отвергая как проявление «морали рабов», принципиально игнорировал. Именно прощение, а не месть, становится актом радикальной свободы [15, с. 325–326]. Жертва, отказываясь от «ответного порабощения», трансформирует первично социальную и моральную реальность конфликта, устраняя парадигму конфликта и борьбы как онтологическую основу в философии Ницше (что скрывает дарвинско-гегелевское влияние). Христианство предлагает не подавление гнева, а его онтологическое преображение – разрыв порочной связи «угнетатель – жертва» через отказ от принципа талиона («око за око – зуб за зуб») [6]. Прощая, человек не слабеет, а обретает власть над циклом насилия, выводя отно-

нения из плоскости силы в пространство смысла.

В сердцевине поднятой Ницше проблемы ресентимента лежат важнейшие вопросы: какой должна быть власть, чтобы выполнять свою функцию, не вызывая ресентимента? как совместить эффективное управление с сохранением социальной гармонии? как избежать раскола в обществе, превратив власть в инструмент консолидации? и наконец – как обеспечить свободу личности, не подавляя её потенциала, а раскрывая его?

Современный социальный и культурный контекст лишь подчёркивает актуальность этих вопросов [17]. Сегодня поиск модели власти, способной преодолеть порочный круг ресентимента, становится не просто философской задачей, а насущной необходимостью [18].

Заключение

Философия Фридриха Ницше, как демонстрирует исследование, остаётся не просто интеллектуальным наследием XIX в., но и мощным инструментом анализа современных социальных, политических и экзистенциальных вызовов. Концепция ресентимента, раскрывающая механизмы превращения слабости в мнимую добродетель, а зависти – в моральное превосходство, сохраняет свою провокативность, при этом требуя осторожного обращения.

Философский «молот» Ницше, разбивающий догмы морали и религии, обнажает опасность трактовки «воли к власти» как примитивного культа силы. История XX в. с её тоталитарными режимами доказывает, что вырванные из контекста идеи «сверхчеловека» и «аристократии духа» легко превращаются в инструмент идеологического насилия. Вульгаризация философии Ницше, игнорирующая её экзистенциально-творческое ядро, не только искажает мысль автора, но и питает милитаристскую риторику, подменяя духовную борьбу физической агрессией.

Междисциплинарный анализ, включающий психологические интерпретации Кречмера и социологическую критику Шелера, расширяет понимание ницшеанской концепции ресентимента. Если Ницше видел в ресентименте симптом экзистенциальной капитуляции, то Шелер связывает его с противоречиями современных обществ, в которых формальное равенство маскирует глубокое неравенство. Это противоречие, усугубляемое цифровой эпохой с её культом индивидуального успеха, делает ресентимент универсальным феноменом, требующим научного и философского переосмысления.

Ключевой альтернативой ницшеанской модели социальных отношений выступает диалогическая модель и этика солидарности персонализма. Акцент на «со-бытии», в котором сила рождается из взаимного признания, а не из доминирования и господства, позволяет преодолеть бинарность оппозиции «сила – слабость» [19]. Подлинный прорыв за пределы ресентимента невозможен без христианской идеи прощения. Прощение, понимаемое не как слабость, а как акт свободы, разрывает порочный круг насилия, устраняет онтологическую основу борьбы и конфликта, переводя социальные отношения из плоскости силы в пространство смысла.

Вопросы, поднятые Ницше, – о природе управления, гармонии общества и свободе личности – звучат сегодня с новой силой. Ответом на них может стать синтез «воли к свободе», диалога и прощения, в котором власть утрачивает тотальность, превращаясь в служение, а ресентимент трансформируется в энергию созидания.

Философия Ницше, таким образом, требует не слепого принятия, но критической рефлексии, способной отделить её творческий потенциал от рисков экстремизма. Только через признание взаимозависимости силы и уязвимости, свободы и ответственности общество сможет преодолеть ресентимент, превратив его из разрушительного тупика в импульс для подлинного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобазова О. Ф. Власть и общество в России: национальная идея и гражданская идентичность // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 6–23. DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6.
2. Лонский Я. А. Анализ философско-исторической траектории становления религиозного экстремизма в России в период с 862 по 1917 год // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 155–157.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: Прогресс, 1994. 512 с.
5. Кречмер Э. Медицинская психология / пер. с нем. В. А. Лукова. СПб.: Союз, 1998. 464 с.
6. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
8. Платон. Государство / пер. с А. Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
9. Кирилина Т. Ю. Ресентимент как инструмент анализа социальных явлений // Социально-гуманитарные технологии. 2022. № 4 (24). С. 12–18.
10. Отыцкий Г. П. Социально-культурологические аспекты зла в теоретическом наследии русского религиозно-философского ренессанса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. № 5–1. С. 109–120.
11. Меликов И. М. Личное бытие свободы. М.: Канон+, 2024. 336 с.
12. Кузьменко Г. Н. Futurum. Полисемия термина “постмодерн”: проблема и вариант решения // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 160–166. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-160-166.
13. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
14. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр.; вступ. ст. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
15. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2004. 480 с.
16. Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Т. 17. № 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Институт философии РАН, 2017. С. 5–25.
17. Синебрюхова А. С., Жилина В. А. Ресентимент как черта современных моральных рисков // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 18–19 мая 2017 г.). Челябинск: АнтроВита, 2017. С. 278–282.
18. TenHouten W. D. From Ressentiment to Resentment as a Tertiary Emotion // Research in Social Sciences. 2018. Vol. 10. № 4. P. 49. DOI: 10.5539/res.v10n4p49.
19. Евреева О. А., Афонин М. В. Ценностный выбор российской цивилизации // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 1 (150). С. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131.

REFERENCES

1. Lobazova, O. F. (2024). Power and Society in Russia: National Idea and Civic Identity. In: *World of Russian-Speaking Countries*, 4 (22), 6–23. DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6 (in Russ.).
2. Lonsky, Ya. A. (2023). Analysis of the Philosophical and Historical Trajectory of the Development of Religious Extremism in Russia from 1862 to 1917. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 11, 155–157 (in Russ.).
3. Nietzsche, F. (2012). Beyond Good and Evil: On the Genealogy of Morality. In: “Wagner” Case. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
4. Nietzsche, F. (1994). *Thus Spoke Zarathustra*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
5. Kretschmer, E. A *Text Book of Medical Psychology*. St. Petersburg: Soyuz publ. (in Russ.).
6. Scheler, M. (1999) *Resentment in the Structure of Morals*. St. Petersburg: Nauka publ., Universitetskaya kniga publ. (in Russ.).
7. Hegel, G. V. F. (2000). *Phenomenology of the Spirit*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
8. Plato (2015). *The Republic*. Moscow: Akademicheskyy Proekt publ. (in Russ.).
9. Kirilina, T. Yu. (2022). Resentment as a Tool for Analyzing Social Phenomena. In: *Social and Humanitarian Technologies*, 4 (24), 12–18 (in Russ.).
10. Otyutsky, G. P. (2024). Social Cultural Aspects of Evil in the Theoretical Heritage of the Russian Religious and Philosophical Renaissance. In: *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*,

- 5–1, 109–120 (in Russ.).
11. Melikov, I. M. (2024). *Personal Being of Freedom*. Moscow: Canon+ publ. (in Russ.).
 12. Kuzmenko, G. N. (2024). Futurum. Polysemy of the Term “Postmodern”: Problems and Solution. In: *Social Policy and Sociology*, 23 (3), 160–166. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-160-166 (in Russ.).
 13. Bakhtin, M. M. (2002). *Collected Works. Vol. 6: Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Russkie slovari publ., Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
 14. Mounier, E. (1999). *Manifesto of Personalism*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
 15. Berdyaev, N. A. (2004). *The Meaning of Creativity*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
 16. Apresyan, R. G. (2017). Resentment and the Historical Dynamics of Morality. In: *Ethical Thought. Vol. 17 (2)*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences publ., pp. 5–25.
 17. Sinebryukhova, A. S. & Zhilina, V. A. (2017). Resentment as a Feature of Modern Moral Risks. In: *Social Norms in the Context of Modern Risks: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, May 18–19, 2017)*. Chelyabinsk: AntroVita publ., pp. 278–282 (in Russ.).
 18. TenHouten, W. D. (2018). From Ressentiment to Resentment as a Tertiary Emotion. In: *Research in Social Sciences*, 10 (4), pp. 49. DOI: 10.5539/res.v10n4p49 (in Russ.).
 19. Evreeva, O. A. & Afonin, M. V. (2024). Value Choice of Russian Civilization. In: *Social Policy and Sociology*, 23 (1), pp. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васюков Ростислав Викторович (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли Российского государственного социального университета;
e-mail: rostislawww@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostislav V. Vasyukov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Modern Axiological Problems and Religious Thought, Russian State Social University;
e-mail: rostislawww@mail.ru